

25. Мурясов Р.З. Слабое склонение имен существительных как морфологическое средство выражения одушевленности // Уч. зап. / 1-й Моск. пед. инст. ин. яз. им. Мореса Тореза, 1969. Т. 52.
26. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
27. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
28. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
29. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 3. М., 1963.
30. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. XIV.
31. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
32. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
33. Décsy G. The Indo-European Protolanguage: A Computational Reconstruction. Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1991.
34. Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967б.
35. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
36. Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола. М., Л., 1940.
37. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
38. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М., Л., 1949.
39. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
40. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя. М., 1955.
41. Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
42. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1927. Bd. III.

И.В. Новицкая

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОКОРЕННЫХ РАЗНОСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный университет

Одной из особенностей готского языка, которая, несмотря на достаточно пристальное к ней внимание, не получила однозначного и всеобъемлющего объяснения, является наличие в нем однокоренных существительных, отличающихся парадигматически.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы определить масштабы распространения однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке, рассмотреть существующие теории их интерпретации и наметить основное направление исследования подобных минимальных пар.

Первоначально исследователи этого древнегерманского языка ограничивались лишь указаниями на факт существования ряда однокоренных существительных со сходными или слегка отличающимися значениями, но относящихся к различным типам именного склонения [1, с. 320; 2, с. 154; 3, с. 65; 4, с. 125 и др.]. Данное замечание почти всегда касалось исключительно существительных женского рода (ж. р.) основ на *-eip* и *-i* и сопровождалось перечислением засвидетельствованных пар. В даль-

нейшем в круг подобных пар были включены и существительные *ō*-основ с суффиксом *-īra-*, которые, с точки зрения У. Мейда, семантически были противопоставлены существительным *eip*-основ как имена с более конкретным значением [5, с. 145]. Подробный анализ однокоренных *ei-* и *īra*-существительных ж. р. натолкнул Э. Бенвениста на предположение о том, что *ei*-образования в готском использовались для обозначения качества как такового, в то время как *īra*-производные выражали конкретную реализацию этого качества [6, с. 21–45].

Несколько десятилетий спустя О.А. Осипова предложила свою интерпретацию закономерного употребления однокоренных разносклоняемых существительных с одним предметным значением. Прежде всего, О.А. Осипова квалифицировала подобные пары существительных как *грамматические синонимы*, под которыми понимались «различные формы, употребляемые в близком грамматическом значении, совпадающие в своем основном значении и различающиеся в дополнительном» [7, с. 14]. Далее на примерах употребления параллель-

ных форм в готских текстах она показала, что отнесение существительного к определенному парадигматическому ряду было обусловлено не только семантикой самого слова (одушевленной/неодушевленной), но и необходимостью выразить значение определенности/неопределенности. По мнению О.А. Осиповой, хорошо сохранившиеся готские основообразующие суффиксы предоставляют уникальную возможность подтвердить точку зрения об активном прошлом и.-е. языков, поскольку они были задействованы в былом распределении всех существительных на классы одушевленных/активных и неодушевленных/инактивных имен, что соответственно маркировалось консонантными и гласными основообразующими суффиксами. Более того, анализ употребления разносклоняемых однокоренных пар позволил выявить и более позднюю функцию консонантных основообразующих формантов, а точнее суффиксов с элементом *-n-*, – служить маркером определенного по контексту существительного. Способность основообразующих формантов с элементом *-n-* являться показателями определенности, т.е. выполнять функцию, типичную для определенного артикля, была обусловлена их генетической связью с и.-е. указательным местоимением дальней семантики и свойственным ему значением «отношения к чему-то» [8].

Для иллюстрации сопоставим примеры употребления готских существительных *daubei* (F *ein*) ~ *daubiþa* (F *ō*) «ожесточение».

R 11.25 «*nī auk wīljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei nī sijaiþ in izwis silbam froðai, unte daubei <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo inngaleiþai*» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». В данном примере слово *ein*-основ *daubei* не сопровождается указательным или посессивным местоимением и обозначает ожесточение, на которое говорящий ссылается как на уже известный слушателю случай [7, с. 17].

Mk 3.5 «*jah ussaihvands ins miþ moda, gauris in daubipos hairtins ize qarþ du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastof aftra so handus is*» «И, глядя на них с гневом, омраченный *ожесточением* сердец их, сказал тому человеку: “Протяни руку твою!” Он протянул, и стала его рука здорова». Слово *daubiþa* (F *ō*) в приведенном предложении употребляется в атрибутивной конструкции с существительным в род. п. и притяжательным местоимением, что подчеркивает неопределенность самого имени [7, с. 17]. Кроме того, подобная атрибутивная конструкция может рассматриваться как указание на опредмеченность качества, выраженного существительным.

Иной семантико-синтаксический подход к анализу однокоренных разносклоняемых пар в двух древнегерманских языках (готском и древневерхненемецком) был представлен в серии работ Н.Б. Пименовой, которая исследовала словообразовательные значения отдельных суффиксов древнегерманских существительных, а именно: двн. *-nessi-*, *-unga-*, *-ida-*, *-îp-*, *-ō-*, гот. *-ein-* и *-iþa-* [9–12]. По мнению исследовательницы, все древнегерманские продуктивные словообразовательные модели были семантически дифференцированы и ориентированы на выражение некоего логического понятия, которое регулировало образование и дистрибуцию параллельных форм однокоренных существительных. При анализе древневерхненемецких и готских отглагольных и отадективных имен существительных, образованных при помощи как основообразующих, так и собственно суффиксов, Н.Б. Пименова пришла к выводу о том, что в области словообразования противопоставление существительных опиралось на выражение значения «соотнесенность признака (действия) с носителем признака (исполнителем действия)». Иными словами, выраженные именем существительным признак или действие содержат в своей семантике компонент значения, который отражает соотнесенность (отношение) этого признака или действия с носителем этого признака / исполнителем этого действия. Данное значение маркируется словообразовательными средствами и обуславливает тяготение существительного к определенным семантико-синтаксическим позициям в предложении.

Несмотря на то, что данное значение имеет в готском и древневерхненемецком регулярное выражение, каждый язык обнаруживает собственные предпочтения в использовании имеющихся словообразовательных средств. Так, по мнению Н.Б. Пименовой, значение «отвлечение от носителя признака», т.е. максимальное абстрагирование признака, маркируется в готском при помощи основообразующего суффикса *-ein-*, а в древневерхненемецком – при помощи суффикса *-ida-*. С другой стороны, «соотнесение признака с носителем» передается двн. суф. *-îp-*, но гот. суф. *-iþa-*.

Соотнесение с носителем гот. *-iþa-*, двн. *-îp-*
Носитель признака

Отвлечение от носителя гот. *-ein-*, двн. *-ida-*

В области отглагольных имен значение инактивного «действия, замкнутого в себе» выражается в готском при помощи суффикса *-ein-*, а в древневерхненемецком – при помощи суффикса *-ida-* и противопоставляется активному «действию, исходящему от исполнителя», что маркируется в готском суффиксом *-iþa-*, а в древневерхненемецком – суффиксом *-îp-*.

Соотнесение с исполнителем гот. -īra-, двн. -īn-
Исполнитель действия

Отвлечение от исполнителя гот. -ein-, двн. -ida-

С точки зрения синтаксиса, полюс «соотнесение с ...» характеризуется функцией адъективного приписывания признака/действия, а полюс «отвлечение от...» – функцией предикативного приписывания [см. указ. работы Пименовой].

Для иллюстрации вновь рассмотрим примеры употребления готских существительных *daubei* (F ein) ~ *daubiþa* (F ð) «ожесточение».

R 11.25 «ni auk wiljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei ni sijaiþ in izwis silbam froðai, unte *daubei* <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo inngaleiþai» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». Здесь существительное ein-основ, несмотря на общие временные данные, не соотносится с определенной ситуацией проявления этого качества [11, с. 11].

Mk 3.5 «jah ussaihvands ins miþ moda, gaur in *daubipos* hairtins ize qarþ du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastorþ aftra so handus is» «И, возрев на них с гневом, скорбя об *ожесточении* сердец их, говорит тому человеку: “Протяни руку твою!”. Он протянул, и стала его рука здорова». В данном предложении проявляется адъективная функция производного с суффиксом -īra-, которая позволяет изменить конструкцию «скорбя об *ожесточении* сердец их» на «скорбя об их *ожесточенных* сердцах». Кроме того, семантика слова *daubiþa* предполагает соотнесенность с носителем этого качества [10, с. 8].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на различные подходы к выявлению семантического стержня парадигматического противопоставления однокоренных существительных и полученные результаты, исследователи единогласно признают существование семантических оппозиций в системе именного склонения и подтверждают тезис о возможности и необходимости реконструкции семантики не только каждой словообразовательной модели, но и, возможно, типов склонения.

Далее в статье представлены результаты сплошной выборки однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке. При их отборе были приняты во внимание следующие факторы.

Прежде всего, однокоренные существительные должны были относиться к различным типам склонения и не являться обозначениями одушевленных лиц мужского и женского рода по типу *ga-gazno* «сосед» (M n) ~ *ga-gazna* «соседка» (F n), *un-hulþo* (M n) ~ *un-hulþa* (F n), *niþjis* «родственник» (M ja) ~

niþjo «родственница» (F ðn). Отнесение существительных к различным типам склонения позволяло исключить синонимичные образования типа *ga-niþjis* (M ja) ~ *niþjis* (M ja) «родственник». Кроме того, параллельные разносклоняемые образования должны были иметь идентичные или отличающиеся, но соотносимые определения значений, что позволяло предположить наличие и реализацию семантического противопоставления подобных имен, например: **ga-binda* (F ð) ~ *ga-bindi* (F jð) ~ **ga-bundi* (F jð) «связь», *hrainei* (F ein) «чистота» ~ *hrainiþa* (F ð) «чистота» ~ **hraineins* (F i) «очищение». Не менее важным условием был и отбор только таких разносклоняемых существительных, которые были образованы от одного и того же корня при помощи различных словообразовательных средств, то есть структурно отличались лишь словообразовательным элементом, например: *hlutrei* (F ein) ~ *hlutriþa* (F ð) «чистота, искренность». Тем не менее, не все существительные из нижеприведенной таблицы отвечают данному условию. Дело в том, что часть подобных отглагольных имен обнаруживала формальные расхождения в связи с тем, что они были образованы от различных основ одного и того же глагола, например: *wrekei* (F ein) ~ **wreka* (F ð) «преследование» от **wrikan* (сн. гл. 5), *siukei* (F ein) ~ *sauhts* (F i) «болезнь» от основы в *siukan* (сн. гл. 2), **aihts* (F i) ~ *aigin* (N a) «собственность, владение» от *aigan* (прет.-през.), **sokns* (F i) ~ **sakjo* (F jð) «споры, словопрения, ссора», *winna* (F ð) ~ **winno* (F ðn) ~ **wunns* (F i) «страдание» от *winnan* (сн. гл. 3), **ga-binda* (F ð) ~ *ga-bindi* (F jð) ~ **ga-bundi* (F jð) «связь» от *bindan* (сн. гл. 3). У некоторых других существительных отличие заключалось в использовании префикса в одном имени, например: *bairhtei* (F ein) «свет, ясность» ~ *ga-bairhteins* «явление, богоявление» (F i), *fraþi* (N ja) «ум, разум» ~ *ga-fraþjei* (F ein) «ум», *wahstus* (M u) «рост» ~ *us-wahsts* (F i) «рост». При этом было замечено, что появление префикса не всегда сопровождалось изменением значения существительного, что соответствует мнению об их незначительной роли в именном словообразовании [13, с. 64]. Готские префиксы *ga-* и *us-* соотносились с и.-е. префиксами (ср. лат. *co-*, *com-* со значением общности, совместности с кем-то, и.-е. **oz-* с усилительным значением [14, с. 237, 239]) и в языке не функционировали в качестве наречий и предлогов. Более того, они перешли к имени от производящей глагольной основы, поэтому можно предположить, что в исследуемых готских словах их былая семантика не столь отчетлива. Наконец, в двух случаях у сложных слов имелись параллельные образования с простой морфологической структурой, например: *dwala-waurdei* (F ein) «глупость» ~ *dwalþa* (F ð) «глупость» и *balwa-wesei* (F ein) «злоба» ~ *balweins* (F i) «наказа-

ние, пытка», которые также были включены в таблицу благодаря их значениям, приведенным в словарях У. Лемана [15] и З. Файста [16].

Итак, обобщим полученные данные. Разносклоняемые существительные были сгруппированы по

типам склонения и родам, что позволило выделить 23 типа параллельных образований (табл. 1). При дальнейшем изложении параллельные образования для простоты будут называться «минимальными параметрами».

Таблица 1

Типы параллельных форм существительных

I.	F ein	Fō (с суф -iḡa-)
L-19	*Airzei «ересь»	Airziḡa «ересь»
II.	F ein	F i (с суф. -eini-)
L-58	Bairhteī «свет, ясность»	*Ga-bairhteins «явление, богоявление»
III.	F ein	F i (с друг. суф.)
L-143	*Ga-mainēi «общность, товарищество»	Gamainduḡs «общность, товарищество»
IV.	F ein	N ja
L-10	Aḡlaitei «распутство»	*Aḡlaiti «разврат, распутство»
V.	Fi	N a
L-14	*Aihts «собственность»	Aiḡin «собственность, имущество»
VI.	Fi	Nja
L-145, 260	*Ga-munds «память»	Ga-minḡi «воспоминание»
VII.	Fi	Fō
L-87	*Dails «часть»	*Daila «участие, общность»
VIII.	Fi	Fōn
L-285	*Ga-runs «улица, рынок»	*ga-runjo (Fn) «наводнение» +*Rinno «поток»
IX.	Fi	Fi (-ti-)
L-146	Naseins «спасение»	Ga-nists «спасение»
X.	Fi	M u
L-387	*Us-wahsts «рост»	*Wahstus «рост»
XI.	Fi	Mi
L-314	*Slauhts «убийство, битва, сражение»	Slahs «мучение»
XII.	F jōn	N ja
L-21	Aiwaggeljo «Евангелие»	Aiwaggeli «Евангелие»
XIII.	Fjōn	F корн
L-257	*Mitadjo «мера»	*Mitapḡs «мера»
XIV.	F ḡ	F ḡn
L-61	*Bandwa (F wḡ) «знак»	Bandwo «знак»
XV.	F ḡ	F jō
L-71	*Ga-binda «связь» C 2.19 B	*Ga-bundi «связь» + ga-bindi (F jo) «связь» + bandi (Fjo) «связь, оковы»
XVI.	F ḡ	M n
L-324	Staua «приговор, предмет суда»	Staua «судья»
XVII.	M in/an	M jin/jan
L-138	*Faura-gagga «управитель дома»	*Faura-gaggja «управитель» +faura-gaggi (Nja) «управление»
XVIII.	M in/an	N ja
L-379	Un-wita «невежда»	Un-witi «глупость, невежественность»
XIX.	M jin/jan	N a
L-69	Bi-haitja «хвастун»	*Bi-hait «сплетня, плохая слава»
XX.	M a	N a
L-133	*Ga-baug «банкет, торжественный обед»	Ga-baug «пожертвование, взнос»
XXI.	M i	M in/an
L-147	Gards «дом, семья, двор»	Garda «скотный двор»
XXII.	N a	N u
L-216	Kaurn «зерно, пшеница» Used in collective meaning	Kaurno single grain of wheat «зерно»
XXIII.	Неясные случаи	
L-68	*Bi-faih (Na) «взыскание, принуждение»	Bi-faiho (Fn or i) «взыскание, принуждение»

Ряды параллельных разносклоняемых форм

Ga-raihteī (F ein)	Ga-raihtīþa (Fō)	*Ga-raihtēins (F i)	
Hauhei (F ein)	Hauhiþa (Fō)	Hauheins (F i)	Hauhisti (N ja)
Hrainei (F ein)	Hrainiþa (Fō)	*Hraineins (F i)	
*Kaurei (F ein)	*Kauriþa (Fō)	*Unkaureins (F i)	
Swiknei (F ein)	*Swikniþa (Fō)	*Swikneins (F i)	
Weitwodei (F ein)	Weitwodiþa (Fō)	Weitwodeins (F i)	*Weitwodi (N ja)
*Wrekei (Fein)	Wraka (Fō)	*Wrakja (Fōn)	
*Liuhadei(n) (F ein)	*Liuhadeins (F i)	Liuhaps (Ma)	
Wanains (F i)	Wan (N a)	Waninassus (Mu)	
Ga-runs (F i)	Ga-runjo (F jōn)	Rinno (F ōn)	
Ga-timreins (F i)	Ga-timrjo (Fōn)	*Timreins (F i)	
*Tews (F i)	*Tewa (F ō)	Tauī (N ja)	
*Ga-binda (Fō)	Ga-bindi (Fjō)	*Ga-bundi (Fjō)	
Ga-juko (Fōn)	Ga-juk (N a)	*Ga-juka (M in/an)	
*Faura-gagga (M in)	*Faura-gaggja (M jin)	Faura-gaggi (Nja)	
Waurstwa (M in)	Waurstwja (M jin)	Ga-waurstwa (M in)	

Из приведенных данных следует, что чаще всего минимальные пары встречаются у существительных женского рода (всего 65 слов), которые относятся к типам склонения на -ein (39 слов), -i (19 слов), -ō (5 слов) и -jōn (2 слова). Среди существительных мужского и среднего рода минимальные пары обнаруживаются у 14 слов м. р. основ на -n (7), -a (5), -ja (1), -i (1) и у 1 слова ср. р. на -a. При этом хорошо прослеживается тесное взаимодействие некоторых типов склонения в области образования параллельных форм, например, в таких группах, как F ein ~ F ō ~ F i // F ein ~ F i ~ N ja // F i ~ F ō ~ F ōn.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в некоторых случаях однокоренные существительные образуют целый ряд разносклоняемых форм, что проиллюстрировано в сводной таблице (табл. 2).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в готском языке семантико-парадигматическое противопоставление однокоренных существительных было представлено гораздо шире,

чем это описывалось ранее. Уже не существует сомнения в том, что подобное противопоставление имело семантическую основу, которая поддается дешифровке. Начало данной работе уже положено в трудах О.А. Осиповой и Н.Б. Пименовой, которые представили результаты анализа семантического противопоставления в типах минимальных пар 1 и 14. Показательно, что обе исследовательницы не отрицают возможности существования синонимии в использовании словообразовательных средств для маркирования выделяемых ими значений определенности и соотнесенности с носителем. Каким образом коррелирует установленная семантика словообразовательных элементов между собой, в каком направлении происходил семантический сдвиг в остальных типах минимальных пар, организуются ли семантические различия в остальных парах в единую систему – это вопросы, на которые поможет ответить дальнейшее исследование употребления данных лексических единиц в готских текстах.

Литература

1. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2.
2. Krause W. Handbuch des Gotischen. München: Beck, 1953.
3. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
4. Ahlsson L.-E. Die Altfriesischen Abstraktbildungen. Uppsala, 1960.
5. Meid W. Germanische Sprachwissenschaft. Teil III. Wortbildungslehre. Berlin, 1967.
6. Benveniste E. Fonctions suffixales en gotique // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1961. 56/1.
7. Осипова О.А. Синонимия парадигматики существительного у древних германцев // Грамматическая и лексическая синонимия, антонимия, омонимия. Томск, 1988а.
8. Ossipova O. The Mystery of Consonantal Nominal Stem-Building Markers in Ancient Germanic // Language and Parole in Synchronic and Diachronic Perspective. Beetham, 1999.
9. Пименова Н.Б. Семантическая роль ō-основ в древнегерманском именном словообразовании // Вестн. Моск. ун-та, 1998. № 1. Сер. 9. Филология.
10. Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe -ī(n)-, -ō- in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen // Sprachwissenschaft. Heidelberg, 2000a. Band 25. Heft 3.

11. Pimenova N.B. Die semantische Distribution der Gotischen Abstrakta auf -ei und -ipa // Beitrage zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, 20006. Band 122.
12. Pimenova N.B. Die Funktional-Semantische Verteilung der Eigenschaftsnomina auf -ī(n)- und -ida- im Althochdeutschen und die Subjekt-objekt Relation // Zeitschrift für Deutsche Philologie, 2002. Band 121. Heft 1.
13. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. М., 1963.
14. Kluge F. Urgermanisch. Vorgeschichte der Altgermanischen Dialekte. Dritte Verbesserte und Vermehrte Aufl. Strassburg, 1913.
15. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.
16. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920.

Список принятых сокращений

Ж. р. – женский род; и.-е. – индоевропейский; основа на -n; N a – существительное среднего рода
двн. – древневерхненемецкий; гот. – готский; суф. – основа на -a; F ein – существительное женского
суффикс; M n – существительное мужского рода рода основа на -ein.

Л.П. Дронова

РАННИЙ ЭТАП ИСТОРИИ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный университет

Семантическое пространство оценочных значений, структурируемое с помощью тезауруса, мы, вслед за другими исследователями этой проблемы, рассматриваем как реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в котором сконцентрирован национально-культурный опыт языковой общности. Динамический характер семантической структуры естественного языка позволяет делать предположение о том, что оценочные значения могут быть объектом гибкого моделирования. Следовательно, важен и исторический подход к оценочному значению, находящемуся в неразрывной связи с дескриптивными компонентами семантики слов, значимо выявление содержательной динамики в дескрипции разного типа оценок и их соотносимость с различными историко-культурными моделями. Лексико-семантическая группа слов, сформировавших и выражающих общеоценочное значение, рассматривается нами как мировоззренческий конструкт естественного языка, специфицирующий национальные культуры на фоне мировой культуры.

Оценка как ценностный аспект значения универсальна. Субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки («нравится/не нравится»), а с другой стороны – на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. В то же время в оценочном объекте сочетаются субъективные (отношение «субъект – объект») и объективные признаки (свойства объекта). Субъективное и объективное неразрывно связаны, образуя континуум, где та и другая сторона нарастают/убывают обрат-

но пропорционально друг другу. Выделяемое дескриптивное значение диагностично как коррелят «вызова» определенного этапа историко-культурного процесса (какой признак, свойство и в какое время был маркирован как социально значимый и обобщен до общеоценочного). Именно лексика с общеоценочным значением, фиксирующая выбор, предпочтения определенного времени через обобщение конкретного признака до максимально значимого и мотивирующего общую оценку, особенно интересна в лингвокогнитивном аспекте.

Архаичный способ выражения общей положительной оценки в германских языках являют производные прагерманского корня *bat-: *bōt-, представлявшие собой прилагательное со значением 'хороший' и наречие 'хорошо'. Со временем образования от этого корня со значением общей оценки были вытеснены со своих позиций продолжениями общегерманского *gōd- и *wal- [1, с. 61; 2, с. 63, 389; 3, т. 1, с. 103] и, получив соответствующие суффиксы-маркеры, выступают в германских языках в роли компаративов (гот. batiza, batista, др.-исл. betre, beztr, др.-англ. bet(e)ra, betst и т.д. – сравнительная и превосходная степени прилагательного, др.-исл. betr, др.-англ., др.-фриз., др.-сакс. bet (из *batiz), нем. baß 'чрезвычайно, очень' (из *bataz) и др. – сравнительная степень к наречию wohl, well). Исходность значения общей оценки подтверждает не только их дальнейшая функция, но и семантика однокорневой лексики: гот. ga-batnan 'получить преимущество перед кем-л.', bota 'польза', botjan 'иметь выгоду, пользу; улучшать', нем. Buße 'покаяние, наказание' и др. (исходное дескриптивное значение определить не представляется возмож-